

Шоу-бизнес, каким бы странным не показалось это утверждение, является порождением музыкального театра, его детищем или младшим братом. А, может быть, эти явления имеют общий источник, может быть, у них общее происхождение. Возможно, это вообще одно и то же, такое вот двуликое или даже многоликое явление.

Если под шоу-бизнесом мы будем подразумевать хотя бы то, что наблюдаем в последнее время в нашей эстраде, то связь будет очевидной и не такой уж неправдоподобной.

Даже роль литературы в шоу-бизнесе и, скажем, в опере схожи. Жизнь и карьера какой-нибудь эстрадной звезды, а также ее сольный концерт и песня, ставшая знаменитой в ее исполнении (или сделавшая исполнителя знаменитым), это все словно оперные либретто, кое-где лапидарные, кое-где развернутые и преувеличенно слезливые. Из оперы сюда пришли термины примадонна, прима, дива, а также множество приятных пустячков вроде самообожествления, создания не то культа, не то секты, появление такого понятия, как поклонники и фанаты, а также лестные для самолюбования недалеких в большинстве случаев артистов мифы об опасности этих фанатов и о том, как артист становится для них вожаком добычей.

А также образ жизни: скрытый или демонстрируемый, отмеченный оперной манерностью, условностью и завершенностью.., если у кого хватит способностей и ума. Даже из так называемого закрытого образа жизни тоже легко делается что-то преувеличенно театральное, рассчитанное на восторг публики, что же тогда говорить о личностях скандальных, которые сами активно "сотрудничают" с теми, кто жаждет этой скандальности или, так

Шоу-бизнес, каким бы странным не показалось это утверждение, является порождением музыкального театра, его детищем или младшим братом. А, может быть, эти явления имеют общий источник, может быть, у них общее происхождение. Возможно, это вообще одно и то же, такое вот двуликое или даже многоликое явление.

Если под шоу-бизнесом мы будем подразумевать хотя бы то, что наблюдаем в последнее время в нашей эстраде, то связь будет очевидной и не такой уж неправдоподобной.

Даже роль литературы в шоу-бизнесе и, скажем, в опере схожи. Жизнь и карьера какой-нибудь эстрадной звезды, а также ее сольный концерт и песня, ставшая знаменитой в ее исполнении (или сделавшая исполнителя знаменитым), это все словно оперные либретто, кое-где лапидарные, кое-где развернутые и преувеличенно слезливые. Из оперы сюда пришли термины примадонна, прима, дива, а также множество приятных пустячков вроде самообожествления, создания не то культа, не то секты, появление такого понятия, как поклонники и фанаты, а также лестные для самолюбования недалеких в большинстве случаев артистов мифы об опасности этих фанатов и о том, как артист становится для них вожаком добычей.

А также образ жизни: скрытый или демонстрируемый, отмеченный оперной манерностью, условностью и завершенностью.., если у кого хватит способностей и ума. Даже из так называемого закрытого образа жизни тоже легко делается что-то преувеличенно театральное, рассчитанное на восторг публики, что же тогда говорить о личностях скандальных, которые сами активно "сотрудничают" с теми, кто жаждет этой скандальности или, так скажем, оперности.

Почему "даже" из закрытости? Не "даже", а совсем прямая зависимость есть между мизансценами, которые разыгрывают перед услужливой публикой не слишком отягощенные режиссерским гением разные "персоналии" и тайной, которая окружает поворотный излом тягучей интрижки, благодаря чему она приобретает совсем уже слюнявый драматизм. Но, самое главное, любой эстрадный концерт, или, как его чаще называют, шоу - это произведение, которое имеет непосредственное отношение к музыкальному театру. Притом даже не к оперетте, а к опере, потому что большинство этих концертов тяготеет к сценической грандиозности, пышности выразительных средств, а также у каждого такого творения, как правило, имеется выразительная концепция. Для создания такого концерта нужен режиссер и художник-постановщик и, как правило, пышные декорации, а во многих случаях мы наблюдали и вовсе избыточную роскошь. Впрочем, даже если сцена выглядит скромно, все равно, эта сдержанность очень "дорогая", и, собственно, слово "шоу" уже содержит указание на то, что это зрелище, что его надо показывать и смотреть.

И к тому же, что такое эстрада или попса? Стихи, текст играет в любой вещи такую же роль, как и музыка, это вообще сплав, даже если музыка чуть-чуть важнее. Если в опере или в балете сюжет - важная вещь, определяющая, какой будет музыка, потому что музыку пишут, разумеется, опираясь на сюжет, то в шоу-бизнесе музыку пишут только для того чтобы она выбалтывала нам какое-то либретто, располагаясь непосредственно вне музыкальной части, на "личности" исполнителя, которая в стороне от разукрашенной сцены, от его песенок и текстов, находится повсюду среди многоэшелонно поставленных декораций, кишаших проводами и репортерами, помогающими "знаменитости" раскручивать

какие-нибудь нелепые бредни. Сюжетом или либретто,помимо непосредственно текстов песен является сама личность исполнителя.Точнее,преобразованная личность.Если в опере после того как опускается занавес мы найдем за кулисами того,кто исполнил партию...,здесь мы наткнемся на нечто,кого не должно касаться течение сменяющихся минут,смена настроений,раскрытие сюжета до конца...Иллюзия тайны,зигждущейся на чьем-то творческом и не только,великолепии,здесь долго не преходит,отсюда навязчивая идея охраняемой частной жизни,сосредоточенной личной жизни у этих,как правило,продавцов от искусства. В каких-то самообольстительных для певца целях он оказывается растянутым во времени и монументально неподвижен в каждой следующей отметке его временного кода,потому что развязка в басне,которую сплетают о "знаменитости"члены его команды не наступает в промежуток ,отведенный для оперного действия.Различные сделки по купле-продаже "любви" и "спутников жизни" рассчитаны на несколько лет. Чтобы было,чего выбалтывать .Песенке ли,или подловившему журналистов "артисту". Тогда мы узнаем,что публичные действия ,реализуемые при искреннем сотрудничестве со стороны визгливой толпы,задумываются людьми очень опасливыми по отношению ко всему,что расположено снаружи от них и от места ,на котором они "создают впечатление".Затаенная печаль словно муаром облекает эти застывшие гримасы,озаренные вспышками"радости".Впрочем каждая линия, прорисованная на лице у такой надменной статуи ,как Алла Пугачева ,грим которой ,особенно за кулисами,подчеркивает неестественную неподвижность ее лица, "работает" не для сценического самораскрытия.Этот пастозный рисунок ,гриммирующий глаза и физиономию,и неподвижная мимика-они пригодятся за сценой.Как и песня на подмостках -она нужна затем,чтобы исполнив ее,артист не сомневался в том,что "зритель " имеет при себе некоторое внушение ,пришедшее,конечно же

свыше, о кулуарно-томительном подтексте данного пения, разворачивающем свои переплеты и после исчезновения исполнителя за бушующими у него за спиной декорациями, но теперь уже только в присутствии тех, кто расположился за занавесом "события".

Даже хочется предположить, что если с такой навязчивостью из-за рампы втапывается одно и то же настроение, то это не иначе как рой поневоле веселых песенок не удержался и спешит известить нас об очередной "звездной паре", приподняв завесу таинственности с себя, сбросившей в зал непрерывную связку благозвучий.

Незатейливые песенки, напоминающие то какие-то архивные записи русских классиков "шансона", то почти самодеятельную попсу народов Средней Азии, своими попевками, которые не имеют цезур и непрерывно повторяясь собираются в нескончаемую цепь, приводят нас к мнению, что не все еще в этом жанре определилось. Настойчивые напоминания о том, что песня называется "моя законная жена", заключенные в словах же песни, или "мы теперь громоотводы..." , "...ты уже моя..." , как с досадой и облегчением вынужден признать исполнитель (Галкин в своей партии дуэта с Пугачевой), серьезность преподнесения этих "шлягеров" и многозначительность, с которой проносятся по сцене исполняющий как певческую, так и роль ухажера пародист, настраивают _как непохожая на Вагнера бесконечная мелодия_ на присутствие какого-то , безусловно, томления, но за кулисами*. То есть за сценой происходит еще что-то, о чем, как из либретто, прочитываемого в опере до предлагаемого зрелища, мы узнаем из газеты после зачастую скандального концерта.

Песенки эти появляются, как в опере про Лоэнгринна на зов глашатаев откликается Эльза (или как в "Мейстерзингерах отовсюду вылезает Бекмессер, хотящий петь про любовь), - выскакивают на сцену и непосредственными указаниями на

лирическое происшествие, раскрываемое уже в названии песни, или в первой строке, "рассказывают"...о закулисной возне, участниками которой, включая громкие выяснения отношений и даже потасовки, становятся "имена", вокруг которых устраивается концерт, вперемешку с музыкальными критиками и артистами подтанцовок. Именно в шоу-бизнесе существуют пиар-акции. продюсеры стараются (и часто успешно) превратить певцов в то, чем они в конце-концов и становятся. Еще в шоу-бизнесе принято гоняться за так называемой харизмой. Причем под этим словом подразумевается какая-нибудь простая вещь: скандальный характер артиста или его привычки, по какой-то причине потрясшие воображение поклонников. И тогда оказывается, что тот или иной исполнитель ввязавшийся в какую-нибудь свару, - харизматичный. Или же похудение-потолстение, а также перекрашивание и стрижка волос на голове артиста (которое, кстати, громко зовется "сменой имиджа") относится к числу харизматических действий и явлений. Если же певец оказывается харизматическим чуть больше остальных, то ему с годами создадут настоящий культ и, если не обожествят (хотя с культом каких-нибудь многочисленных языческих богов и божков это "фанатение" вполне сопоставимо), то самой главной личностью какого-нибудь внушительного промежутка времени, и, что называется, "культовой фигурой", сделают точно. С этим связано чувство опасности, подстерегающее и превращающее в какую-то замкнутую, недвижимую даже когда она передвигает ноги, как в процессии, персону, каждого мало-мальски облеченного авторитетом певца по пути в гримуборную. Он должен противостоять изменчивости и текучести, грозящим его надмирной гримасе со стороны каких-нибудь ясно выражающихся журналистов, не задействованных в желтой прессе, или со стороны непосредственно и весело реагирующих на участника процессии "фанат(ок)ов", пришедших "светски развлечься". Все они предстают ему менадами, рвущими божество, в раннем

античном театре, из него и появилась Драма, а затем опера. Правда, противоречия оперной драматургии, заключающиеся в (не)-узнавании, признании-непризнании, в сокрытии-открывании, происходящих то ли под влиянием Кольца (принадлежавшего нибелунгам), или какого либо обмана со стороны других, овеществленных или очеловеченных "заинтересованных участников" действия, в рамках эстрадно-массового зрелища оказываются поделены между выступающими. Те имена, ради которых устроена "акция", заняты лишь подтверждением. Упрочением своего превосходства, узнаванием, утверждением и признанием в какой-то уже раз своей принадлежности, или прав собственности на некое одушевленное имущество, которое тоже, если способно еще передвигать ноги по сцене, отвечает парной песней или вторым голосом в дуэте. Скажем, такая одиозная фигура, как Алла Пугачева, иначе как Муза или Живая легенда не называется. Ее наградили даже прозвищем чисто оперным (вот именно, что оперным) "примадонна". Всевозможных, напечатанных и ненапечатанных жизнеописаний "дивы" не счесть, все они буквально отскакивают от зубов свиты. Все они наделяются чертами преувеличенной важности, ценности. Тут уже целая мифология сложилась, по-иному не скажешь. Когда друзья и знакомые певицы все как один зачарованно лепечут об ее исключительности, а также почему-то об ее ауре и энергетике, а также о том, как она где-то сверкнула глазами, а где-то остановила беснующуюся публику, и о том, разумеется, как каждый юный протеже (раскрученный, кстати, не столько из бескорыстия примы, сколько, что называется, ради самопиара) последует за ней хоть в кратер действующего вулкана, хоть еще куда, -- то такое вот сомнительное единодушие людей образованных, по идее, во-первых, мало того что ничем не отличается от поведения такими презираемых фанатов, а еще и наделено признаками настоящего сектантства.

Вкруг

нее, ТОЛПЯТСЯ БОЛЕЕ ЮНЫЕ

ДАРОВАНИЯ, ПРИНИМАЮЩИЕ УЧАСТИЕ В ПРОВОДИМЫХ ЕЙ "Песнях года" или "Рождественских встречах", или не ей проводимых "убитых" "Новых песнях о главном..."

"танцплощадках-80-х", дискотеках-90 и т.д. Те концерты, которые не- пугачевские, подразумевают ее невидимое присутствие, как "первой леди" в самозваном государстве. (Короли там-сменная и почти выборная должность). Не всегда, правда, дарования юнее "примы", но все они наделены оппозиционными по отношению к роли, отводимой королям эстрады, признаками: нелепостями неузнавания, несовпадением в этом мире с чем - то милым их сердцу, заключенному внутри лирики их незатейливых, а иногда причудливо жалких песенок, горькими разочарованиями и унынием, делающим их лишними и нерадивыми даже на этом празднике, устраиваемом милостивой и снисходительной по отношению к человеческим оплошностям, царицей бала.

В Гибели

богов"Вагнера мы можем судить о вызывающем негодование поведении Зигфрида, отдающего свою невесту другу, как о следствии обмана, производимого распитым им в компании с Гутруной зельем, так что он не узнает подругу; или тем, что под влиянием напитка, предложенного друзьями, он ощущает себя Гунтером, то есть кем-то, кто не должен жениться на Валькирии, потому что она принадлежит Зигфриду...(Это в "прямой", понятийной, интерпретации, потому что по сюжету он как Зигфрид, прикинувшийся Гунтером, полагает, что Валькирия принадлежит не Зигфриду, а Гунтеру, но он же не Гунтер...) Но здесь, между бессчетных "believe me", "never, never let you go", в которых не объясняется причина недоверия лирическому"я" Димы Билана, например, и почему от него уходят, или не дается ответа на вопрос "кто ты? В электронной почте смайлик... Кто мы друг для друга-я не знаю.", неправомысленный в любви, имеющей право на какое-то инкогнито, становится очевидным, что вопросов не вызывает и полного доверия заслуживает только Алла Пугачева. Но

беспокойное ощущение оставляет по себе след на этих концертах, когда в стольких разновидностях голосов звучит упрек, что "плюс и минус-не сложились...Хоть ты безошибочна пока, но любовь-не математика". Наряду с советом искать любимого "в мировой сети"(интернета), и следующим сразу приказанием "...лучше не находи" , появляются любовные страдания"без слез..." ("он шел за ней в неволю из шипов и тех роз") , которым ,доказывающим, что та любовь-недоразумение, оставляющее в сердце лишь кусочки льда, на смену в припеве песни приходят "дикие слезы..." . Разобрать этот шквал ошибочных привязанностей и нежеланий любить оказывается так же трудно, как перечислить все мотивации ,подбираемые для различных видов недоверия неверности, раскаяний, отчаяния и других пороков в положительной теологии Фомы Аквинского, это и Алла Пугачева не осилит. Но не надо привязывать к понятиям человеческого языка эту сбивчивую повесть, как одним ,рассказываемую самыми разными участниками песенных шествий. Из бесчисленного количества причин, по которым оказываются неудачны их притязания на взаимность, вычленяется одна: они хотят удовольствий и покоя, недоступных таким призрачным, неистинным божествам. Их предмет определен ошибочно, он принадлежит настоящего "светлого", олимпийского правителя . Мы счастливые дети надежды, в этот призрачный мир белоснежный совершаем последний полет...А этим остается лишь"как по млечному пути звездною плыть ре-коой!Он ее не заметит, только мимо пройдет, мимолетные взгля-ды не в сче-е-ет... " Не стоит о таких и беспокоиться, они, менады и фурии, не замечены в реальности, на которую жалуются.

Из нее же, реальности, часто выпадает, или делается к ней иррелевантен, и какой-нибудь "Король эстрады".(Мы говорили, что это "сезонная" работа).

В

академическом жанре невозможно "отражать" события из жизни исполнителя, он просто может выбрать в своем репертуаре что-то отвечающее его настроению или жизненной ситуации. А эстрадный исполнитель реальную или придуманную историю из своей жизни может обыграть так, что ее будет обслуживать множество людей, специализирующихся на сочинении песен и создании жизнеописаний. Шоу-бизнес это нечто виртуальное, а не только образ жизни, это поверхностные зрительные впечатления, стереотипы наблюдателей: глянецовые журналы со льстивыми фотографиями звезд, желтые газеты с какими угодно фотографиями, перекошенная физиономия артиста, старающегося засекретиться и застигнутого врасплох где-нибудь в VIP Зале Аэропорта по дороге в Сент-Моритц. У академических музыкантов нет такой острой проблемы как создание образа, сказки о себе, вряд ли такой музыкант будет обязательно прибегать к помощи профессиональных стилистов и визажистов. Вернее, такое скрупулезное отношение к собственной персоне вряд ли сыграет в карьере такую уж роковую роль. А у эстрадного исполнителя сыграет.

Например, "король эстрады" Филипп Киркоров уже не первый год переживает на сцене свой развод, и уже не очень понятно, что в этих страданиях, адаптированных для публики, настоящее, а что мнимое**. Казалось бы, наличие некоторых действительно хороших песен в репертуаре помогает исполнителю не достигнуть в своих исповедях действительно комического эффекта. Но куда там. Не удастся не скатиться за грань комического и в таких "серьезных" песнях как "Полетели" Татьяны Залужной, и Ирины Дубцовой "Сердце в тысячу свечей". Умаляющая скороговорка рассыпчатых уверений в том, что "не перегорит, я обещаю, сердце в тысячу све--чей" смешно сочетается с рослым певцом, у которого, по наблюдению

одного комика, "...сзади дым, а из ушей-фейерверк!".
Кстати, не даром Киркоров-профессиональный артист
Музыкальной комедии.

Интересно, что исполнение этих вещей, которое было неоднократным, как в случае с хитами, потребовало очень громоздкой и выразительной сценографии вроде системы зеркал или каких-нибудь огней. Роскошью в этом плане отличается, например, церемония "Золотой граммофон", но и другие тоже концерты стараются как можно более художественно обставить столь претендующие на значительность предметы.

Интересно, что словно в расчете на любопытство слушателей, певцы часто объединяются в заманчивые, по их представлению, дуэты, и не просто из-за профессионального интереса к дуэтной форме. Смешно, но на принципе этой самой дуэтности построено уже множество телепроектов, "Две звезды", "Ледниковый период", "Танцы со звездами", и даже "Король ринга". Это, правда, говорит еще о том, что помимо какого-то спекулятивного интриганства для шоу-бизнеса характерна некая гибкость, перетекание из одного жанра в другой. В гипертрофированном виде эту тенденцию выражает навязчивое желание поставить певца на лед, привлечь его к травмоопасному виду спорта, даже явный налет дилетантизма не оттолкнет хозяев такого проекта от этой идеи.

Это все-желание выйти за грань, склонность к игре, перетекание одного ампула в другое, перенесение сюжета творческого в реальную жизнь, и наоборот. Но если что и не ставит под сомнение связь современной эстрады с оперным театром, то это постановочная часть каждого шоу, каждого фестиваля эстрадной песни и каждого крупного сольного концерта. При постановке сольных концертов и во всех других случаях роль сценографа, художника-постановщика, просто огромна.

Скажем, принадлежащие двум разным телеканалам Новые песни о главном" и "Песня года", как и новогодние программы, записанные в студии, содержат в общем-то одинаковый набор песен. Но суть в том, что ведущие концертов по-разному их объявляют, и конференс к содержанию стихов и музыке, как правило не имеет никакого отношения.

А, главное, сцена выглядит на каждом таком мероприятии "по-своему", "особенно", концепция концертов тоже разная: как объявить, как скомпоновать, так что получаются совершенно разные музыкальные спектакли. А при постановке сольных концертов наблюдается оригинальная тенденция: каждый уважающий себя сценограф считает своим долгом выкатить на сцену какой-нибудь предмет (если не фетиш). Этот "аксессуар" призван выразить какую-то ключевую тему в творчестве певца, образ, связанный с его личностью. На "прощальных" концертах Аллы Пугачевой в Кремле такую роль играл придуманный художником Б. Красновым айсберг. Вообще, чем внушительней представитель шоу-бизнеса, тем больше декораций - таков негласный закон. С блеском воплотила эту идею Лолита Милявская, выехавшая на сцену Кремля во время своего юбилейного концерта на огромном золотом унитазе. Не каждая опера блеснет таким предметом реквизита. И, что касается таких определений как "гигантский", "громоздкий", то приходится их постоянно использовать, а ведь речь идет не о крупномасштабных эпических произведениях, а о лирике. Предмет шоу-бизнеса (а не Советской песни, в ее патриотической части, с Ансамблем ПВО на сцене), несмотря на свою громкость, что-то интимное и тихое. Когда шоу-бизнес только начал превращаться в то, чем сейчас является, он был более спокойный и соответствующий себе. Когда форма, спокойная, была более комфортной, на общепринятый взгляд, для содержания. По идее, эстрадная песня происходит из вполне понятного источника. Совершенно ясно, что такое "песня", в какой бы вид творчества она ни попала.

Уже

в силу происхождения этому жанру присуще нечто проникновенное

исповедальное, а также задушевное.

(Особенно, если она имитирует фольклорную манеру). Если взять советскую эстрадную песню 50-60-х годов, то несмотря на некоторую слащавость, присущую, кстати, в то время, эстетике Европы и США, она несла в себе эти черты и в полной мере соответствовала своему предназначению.

Кстати, имена, скажем, Марио Ланца или Марка Бернеса совершенно не располагали к тому чтобы причислить предмет их творчества к низкому виду искусства. Ничего плохого не подумаешь и о первых конкурсах

Евровидения с его приятной атмосферой зимней Швейцарии или Италии. Теперь же камерности и следа нет. Шоу-бизнес превратил жанр песни в ее антипод. Даже если это произведение совсем уж лирическое, исповедальное по природе, все равно, его словно вырывают из уместного контекста и помещают в другой, парадоксальный. Но природа эстрадного искусства, как ни странно, такова, что неестественность и преувеличенность ничего не портит. Например, в грандиозных декорациях последнего Евровидения песни вроде "Мамы" И. Меладзе, по идее, должны теряться, потому что почему бы их не петь в более "спокойной" обстановке, как и происходило с прародителями жанра. Но ничего тут не теряется, потому что песня просто становится частью пышного шоу, цель которого - не то выразить величие Евросоюза (таким-то вот гротесково-глобалистским способом), не то выразить величие государства, которое способно организовать такое мероприятие. Как предмет сантехники (в упомянутом шоу Лолиты) обрастает чертами величия, так и камерность, доведенная до масштабов грандиозности становится комичной. Но лишь отчасти, потому что, оказывается, многим

тихим вещам грандиозность не мешает таковыми и оставаться. Хотя бы в деформированном преломлении. Величие Европы и в Гетевскую эпоху, после Французской революции, тоже выражалось. Герои "опер спасения" Лесюера, Гретри, могли похвастаться сентиментальной неотесанностью на фоне пышных декораций и общей патетики французского самовыражения той поры. Чем не Рыбак с Евровидения в Москве? Утрированная камерность, как будто он с репетиции фортепианного трио сбежал, исполнения и неброскость шаловливого сельского танцора со скрипкой, в окружении опершихся на все четыре конечности прыгунков в подтяжках. Простое обаяние, казалось бы, должно стряхнуть налет рутины с устоявшейся церемонии европейского торжества, где сплошь и рядом то непонятные сербы с отуреченными хорватами, то млеющие от нездоровых фантазий и неконкурентоспособные на фоне разгула азиатчины, обитатели Северной Европы. Шоу-бизнес это вообще искусство допустимых искажений. Потому так важна роль режиссуры, сценографии, вообще умелого оформления сцены, чтобы песня (зачастую и хорошая) смотрелась, как номер в мюзикле, как часть спектакля. Но и долю комизма, гротесковости, песня, раздутая до размеров оперной колоссальности тоже получает. Перед нами проходит череда уродцев, играющих в лирические чувства. Становится сомнительной непосредственность певца с его искренней, растянутой в каждый следующий кадр и так до окончания песни, и даже за ее окончанием, гримаской. Если он так всегда будет, приятным для уроков сольфеджио средним регистром, и волыночными наигрышами на скрипке... то мы скажем, что он пародийно монументален, в своей глуповатой исповедальности... если он сменит обаятельную гримаску, то и предыдущая, с "Евровидения", была не всегда вызывающей доверие и лукавой. Для себя-то он искренен, но масштаб сцены и ее освещения, украсившего и увеличившего каждый мимоходный

жест, танцоры, ползающие на полу
и, конечно, скрипка, лелеяная в "евровидео" замыслах еще
Димы Билана, делают такие выступления концентратом
всего, чего за последний период добились
художники, балетмейстеры, осветители и звукорежиссеры
массовых зрелищ, вытеснив простенькую, для них,
задушевность артистов на периферию. Каждый артист
поднят теперь до моральных высот Квазимодо в Нотр-
Даме, не меньше. Даже если вокально то, как поется, не
кажется смешным, что бывает редко. Скажем, песня
К. Меладзе "Плюс и минус не сложились". Образ фатального
возлюбленного, страдающего среди алхимических колб и
реторт, отмечен, судя по тексту, некоей нескрываемой
звездной упертостью.: "Ты знаешь, где меня найти

В

глянцевых журналах

Или мировой сети

только не надо, лучше не находи.. "Эти приметы
так называемой "звезды" в сверхмасштабных декорациях
отчетного концерта "Фабрики звезд" в
"Олимпийском", несмотря на обаятельность образа, невольно
выглядят уродливо и гротескно.

Так же
двусмысленно смотрятся, например, гигантские смайлики-
колобки, ухмыляющиеся на огромном экране в песне
И. Матвиенко "стоп" ("Песня года" 2008

). Любовная лирика, преобразованная во что-то
очень сценически броское и полное виртуального
величия, все время балансирует на грани смешного и
несмешного . "Кто мы друг
для друга

Я не

знаю,

Может, в электронной почте смайлик".

Вполне милые обыденные детали современного образа жизни преобразуются в гипертрофированное зрелище. Правда, тут тоже может быть какой-то смысл, может быть, некоторые простые вещи полны величия. Это с какой стороны посмотреть. Или упомянутая уже песня "Моя законная жена", обыгравшая не факт биографии исполнителя, а обывательский ажиотаж, и потому "мошенническая" радость в турецком стиле на гигантской сцене вызывает еще более гигантский отклик у слушателей, чем того требует сама песня.

Если обратиться к самой, может быть, яркой и привлекательной черте отечественного шоу-бизнеса, то это, так называемые фестивали, приуроченные к Новому году. "Песня года" и "Новые песни о главном", а также успешно сохраненная с советских времен и ставший "Новой волной" конкурс исполнителей в Юрмале. Тут интересно, что Конкурс исполнителей, помимо своего прямого назначения, словно создан для того, чтобы продемонстрировать публике весь блеск уже существующих эстрадных звезд. Конкурс, конечно, происходит, как ему и положено, но, главное, культурная программа, скомпонованная из выступлений звезд и музыки. Не то, чтобы соревнование молодых певцов смотрелось как приложение, но оно все же погружено в атмосферу какого-то праздника, оттеняет торжество мэтров и уже "состоявшихся".

Такое же любование недавним прошлым и собственными творческими достижениями являет нам "Песня года", благо, и организаторы у этих мероприятий общие, и "муза" - Пугачева. Если в советское время "Песня года" была уютным, в меру, телевизионным новогодним атрибутом, то теперь оно -, как водится, роскошное громоздкое зрелище, очень естественно вписавшееся в гигантские размеры "Олимпийского". Новогодний телеуют прошлых лет сохранился, но теперь он подается как

-А почему Джанго?

-А тут в

сценарии так написано..."

Может

быть в этом и есть основная черта шоу-бизнеса , его сила и одновременно слабость, что тут важна важна взволнованная атмосфера съемок, путающиеся под ногами провода от телеаппаратуры, а песня становится прекрасной или заурядной, от того, кто и как ее объявил, смотря на кого-то в зал, думая о чем-то своем. Вот это и есть самое главное.

-----*(Шлягер, исполненный на "Песне года"-
2008, напоминает мелодически и ритмически турецкие
песни, и есть в нем, как раз, что-то игриво-
мошенническое). Это творение Дениса Ковальского увидело
свет в предвкушении "торжества", слухи о
котором, спровоцированные лукавым творческим
союзом, повлекли за собой еще ряд недоразумений, как в
песнях, так и во взглядах общественности.

**Не является смешной и преувеличенной в
своих исповедях только Алла Пугачева, по закону
сложившейся вокруг нее иерархии, конечно. В трагических ее
песнях она одна не скользит вдоль, и не придирается к
реальности. И в любовь она бросается "с головой...А
ТЫЫЫ..." и т.д. Всегда находится кто-то, не способный
оценить ее настоящие чувства, преданность
, неподдельность в их выражении, а не то, чтобы она
ошиблась в выборе объекта, или не по адресу
обращается, требуя чего-то хорошего, как все другие, кроме

нее.В общем,"сильная женщина плачет у окна".

Шоу-бизнес, каким бы странным не показалось это утверждение, является порождением музыкального театра, его детищем или младшим братом. А, может быть, эти явления имеют общий источник, может быть, у них общее происхождение. Возможно, это вообще одно и то же, такое вот двуликое или даже многоликое явление.

Если под шоу-бизнесом мы будем подразумевать хотя бы то, что наблюдаем в последнее время в нашей эстраде, то связь будет очевидной и не такой уж неправдоподобной.

Даже роль литературы в шоу-бизнесе и, скажем, в опере схожи. Жизнь и карьера какой-нибудь эстрадной звезды, а также ее сольный концерт и песня, ставшая знаменитой в ее исполнении (или сделавшая исполнителя знаменитым), это все словно оперные либретто, кое-где лапидарные, кое-где развернутые и преувеличенно слезливые. Из оперы сюда пришли термины примадонна, прима, дива, а также множество приятных пустячков вроде самообожествления, создания не то культа, не то секты, появление такого понятия, как поклонники и фанаты, а также лестные для самолюбования недалеких в большинстве случаев артистов мифы об опасности этих фанатов и о том, как артист становится для них вожаком добычей.

А также образ жизни: скрытый или демонстрируемый, отмеченный оперной манерностью, условностью и завершенностью..., если у кого хватит способностей и ума. Даже из так называемого закрытого образа жизни тоже легко делается что-то преувеличенно театральное, рассчитанное на восторг публики, что же тогда говорить о личностях скандальных, которые сами активно "сотрудничают" с теми, кто жаждет этой скандальности или, так скажем, оперности.

Почему "даже" из закрытости? Не "даже", а совсем прямая зависимость есть между мизансценами, которые разыгрывают перед услужливой публикой не слишком отягощенные режиссерским гением разные "персоналии" и тайной, которая окружает поворотный излом тягучей интрижки, благодаря чему она приобретает совсем уже слюнявый драматизм. Но, самое главное, любой эстрадный концерт, или, как его чаще называют, шоу - это произведение, которое имеет непосредственное отношение к музыкальному театру. Притом даже не к оперетте, а к опере, потому что большинство этих концертов тяготеет к сценической грандиозности, пышности выразительных средств, а также у каждого такого творения, как правило, имеется выразительная концепция. Для создания такого концерта нужен режиссер и художник-постановщик и, как правило, пышные декорации, а во многих случаях мы наблюдали и вовсе избыточную роскошь. Впрочем, даже если сцена выглядит скромно, все равно, эта сдержанность очень "дорогая", и, собственно, слово "шоу" уже содержит указание на то, что это зрелище, что его надо показывать и смотреть.

И к тому же, что такое эстрада или попса? Стихи, текст играет в любой вещи такую же роль, как и музыка, это вообще сплав, даже если музыка чуть-чуть важнее. Если в опере или в балете сюжет - важная вещь, определяющая, какой будет музыка, потому что музыку пишут, разумеется, опираясь на сюжет, то в шоу-бизнесе музыку пишут только для того чтобы она выбалтывала нам какое-то либретто, располагаясь непосредственно вне музыкальной части, на "личности" исполнителя, которая в стороне от разукрашенной сцены, от его песенок и текстов, находится повсюду среди многоэтажно понаставленных декораций, кишаших проводами и репортерами, помогающими "знаменитости" раскручивать

какие-нибудь нелепые бредни. Сюжетом или либретто,помимо непосредственно текстов песен является сама личность исполнителя.Точнее,преобразованная личность.Если в опере после того как опускается занавес мы найдем за кулисами того,кто исполнил партию...,здесь мы наткнемся на нечто,кого не должно касаться течение сменяющихся минут,смена настроений,раскрытие сюжета до конца...Иллюзия тайны,зигждущейся на чьем-то творческом и не только,великолепии,здесь долго не преходит,отсюда навязчивая идея охраняемой частной жизни,сосредоточенной личной жизни у этих,как правило,продавцов от искусства. В каких-то самообольстительных для певца целях он оказывается растянутым во времени и монументально неподвижен в каждой следующей отметке его временного кода,потому что развязка в басне,которую сплетают о "знаменитости"члены его команды не наступает в промежуток ,отведенный для оперного действия.Различные сделки по купле-продаже "любви" и "спутников жизни" рассчитаны на несколько лет. Чтобы было,чего выбалтывать .Песенке ли,или подловившему журналистов "артисту". Тогда мы узнаем,что публичные действия ,реализуемые при искреннем сотрудничестве со стороны визгливой толпы,задумываются людьми очень опасливыми по отношению ко всему,что расположено снаружи от них и от места ,на котором они "создают впечатление".Затаенная печаль словно муаром облекает эти застывшие гримасы,озаренные вспышками"радости".Впрочем каждая линия, прорисованная на лице у такой надменной статуи ,как Алла Пугачева ,грим которой ,особенно за кулисами,подчеркивает неестественную неподвижность ее лица, "работает" не для сценического самораскрытия.Этот пастозный рисунок ,гримирующий глаза и физиономию,и неподвижная мимика-они пригодятся за сценой.Как и песня на подмостках -она нужна затем,чтобы исполнив ее,артист не сомневался в том,что "зритель " имеет при себе некоторое внушение ,пришедшее,конечно же

свыше, о кулуарно-томительном подтексте данного пения, разворачивающем свои переплеты и после исчезновения исполнителя за бушующими у него за спиной декорациями, но теперь уже только в присутствии тех, кто расположился за занавесом "события".

Даже хочется предположить, что если с такой навязчивостью из-за рампы втапывается одно и то же настроение, то это не иначе как рой поневоле веселых песенок не удержался и спешит известить нас об очередной "звездной паре", приподняв завесу таинственности с себя, сбросившей в зал непрерывную связку благозвучий.

Незатейливые песенки, напоминающие то какие-то архивные записи русских классиков "шансона", то почти самодеятельную попсу народов Средней Азии, своими попевками, которые не имеют цезур и непрерывно повторяясь собираются в нескончаемую цепь, приводят нас к мнению, что не все еще в этом жанре определилось. Настойчивые напоминания о том, что песня называется "моя законная жена", заключенные в словах же песни, или "мы теперь громоотводы..." , "...ты уже моя..." , как с досадой и облегчением вынужден признать исполнитель (Галкин в своей партии дуэта с Пугачевой), серьезность преподнесения этих "шлягеров" и многозначительность, с которой проносятся по сцене исполняющий как певческую, так и роль ухажера пародист, настраивают _как непохожая на Вагнера бесконечная мелодия_ на присутствие какого-то ,безусловно, томления, но за кулисами*. То есть за сценой происходит еще что-то, о чем, как из либретто, прочитываемого в опере до предлагаемого зрелища, мы узнаем из газеты после зачастую скандального концерта.

Песенки эти появляются, как в опере про Лоэнгринна на зов глашатаев откликается Эльза (или как в "Мейстерзингерах отовсюду вылезает Бекмессер, хотящий петь про любовь), - выскакивают на сцену и непосредственными указаниями на

лирическое происшествие ,раскрываемое уже в названии песни,или в первой строке , "рассказывают "...о закулисной возне,участниками которой ,включая громкие выяснения отношений и даже потасовки,становятся "имена",вокруг которых устраивается концерт,вперемешку с музыкальными критиками и артистами подтанцовок. Именно в шоу-бизнесе существуют пиар-акции.продюсеры стараются(и часто успешно) превратить певцов в то,чем они в конце-концов и становятся.Еще в шоу-бизнесе принято гоняться за так называемой харизмой.Причем под этим словом подразумевается какая-нибудь простая вещь:скандальный характер артиста или его привычки,по какой-то причине потрясшие воображение поклонников.И тогда оказывается,что тот или иной исполнитель ввязавшийся в какую-нибудь свару,-харизматичный.Или же похудение-потолстение,а также перекрашивание и стрижка волос на голове артиста(которое,кстати,громко зовется "сменой имиджа")относится к числу харизматических действий и явлений. Если же певец оказывается харизматическим чуть больше остальных,то ему с годами создадут настоящий культ и,если не обожествят(хотя с культом каких-нибудь многочисленных языческих богов и божков это "фанатение" вполне сопоставимо),то самой главной личностью какого-нибудь внушительного промежутка времени,и,что называется,"культовой фигурой",сделают точно. С этим связано чувство опасности,подстерегающее и превращающее в какую-то замкнутую ,недвижимую даже когда она передвигает ноги,как в процессии,персону,каждого мало-мальски облеченного авторитетом певца по пути в гримуборную. Он должен противостоять изменчивости и текучести ,грозящим его надмирной гримасе со стороны каких-нибудь ясно выражающихся журналистов,не задействованных в желтой прессе,или со стороны непосредственно и весело реагирующих на участника процессии "фанат(ок)ов",пришедших "светски развлечься". Все они предстают ему менадами,рвущими божество ,в раннем

античном театре, из него и появилась Драма, а затем опера. Правда, противоречия оперной драматургии, заключающиеся в (не)-узнавании, признании-непризнании, в сокрытии-открывании, происходящих то ли под влиянием Кольца (принадлежавшего нибелунгам), или какого либо обмана со стороны других, овеществленных или очеловеченных "заинтересованных участников" действия, в рамках эстрадно-массового зрелища оказываются поделены между выступающими. Те имена, ради которых устроена "акция", заняты лишь подтверждением. Упрочением своего превосходства, узнаванием, утверждением и признанием в какой-то уже раз своей принадлежности, или прав собственности на некое одушевленное имущество, которое тоже, если способно еще передвигать ноги по сцене, отвечает парной песней или вторым голосом в дуэте. Скажем, такая одиозная фигура, как Алла Пугачева, иначе как Муза или Живая легенда не называется. Ее наградили даже прозвищем чисто оперным (вот именно, что оперным) "примадонна". Всевозможных, напечатанных и ненапечатанных жизнеописаний "дивы" не счесть, все они буквально отскакивают от зубов свиты. Все они наделяются чертами преувеличенной важности, ценности. Тут уже целая мифология сложилась, по-иному не скажешь. Когда друзья и знакомые певицы все как один зачарованно лепечут об ее исключительности, а также почему-то об ее ауре и энергетике, а также о том, как она где-то сверкнула глазами, а где-то остановила беснующуюся публику, и о том, разумеется, как каждый юный протеже (раскрученный, кстати, не столько из бескорыстия примы, сколько, что называется, ради самопиара) последует за ней хоть в кратер действующего вулкана, хоть еще куда, -- то такое вот сомнительное единодушие людей образованных, по идее, во-первых, мало того что ничем не отличается от поведения такими презираемых фанатов, а еще и наделено признаками настоящего сектантства.

Вкруг

нее, ТОЛПЯТСЯ БОЛЕЕ ЮНЫЕ

ДАРОВАНИЯ, ПРИНИМАЮЩИЕ УЧАСТИЕ В ПРОВОДИМЫХ ЕЙ "Песнях года" или "Рождественских встречах", или не ей проводимых "убитых""Новых песнях о главном..."

"танцплощадках-80-х", дискотеках-90 и т.д. Те концерты, которые не- пугачевские, подразумевают ее невидимое присутствие, как "первой леди" в самозваном государстве. (Короли там-сменная и почти выборная должность). Не всегда, правда, дарования юнее "примы", но все они наделены оппозиционными по отношению к роли, отводимой королям эстрады, признаками: нелепостями неузнавания, несовпадением в этом мире с чем - то милым их сердцу, заключенному внутри лирики их незатейливых, а иногда причудливо жалких песенок, горькими разочарованиями и унынием, делающим их лишними и нерадивыми даже на этом празднике, устраиваемом милостивой и снисходительной по отношению к человеческим оплошностям, царицей бала.

В Гибели

богов"Вагнера мы можем судить о вызывающем негодование поведении Зигфрида, отдающего свою невесту другу, как о следствии обмана, производимого распитым им в компании с Гутруной зельем, так что он не узнает подругу; или тем, что под влиянием напитка, предложенного друзьями, он ощущает себя Гунтером, то есть кем-то, кто не должен жениться на Валькирии, потому что она принадлежит Зигфриду...(Это в "прямой", понятийной, интерпретации, потому что по сюжету он как Зигфрид, прикинувшийся Гунтером, полагает, что Валькирия принадлежит не Зигфриду, а Гунтеру, но он же не Гунтер...) Но здесь, между бессчетных "belive me", "never, never let you go", в которых не объясняется причина недоверия лирическому"я"Димы Билана, например, и почему от него уходят, или не дается ответа на вопрос "кто ты? В электронной почте смайлик...Кто мы друг для друга-я не знаю.", неправомерный в любви, имеющей право на какое-то инкогнито, становится очевидным, что вопросов не вызывает и полного доверия заслуживает только Алла Пугачева. Но

беспокойное ощущение оставляет по себе след на этих концертах, когда в стольких разновидностях голосов звучит упрек, что "плюс и минус-не сложились...Хоть ты безошибочна пока, но любовь-не математика". Наряду с советом искать любимого "в мировой сети"(интернета), и следующим сразу приказанием "...лучше не находи" , появляются любовные страдания"без слез..." ("он шел за ней в неволю из шипов и тех роз") , которым ,доказывающим, что та любовь-недоразумение, оставляющее в сердце лишь кусочки льда, на смену в припеве песни приходят "дикие слезы..." . Разобрать этот шквал ошибочных привязанностей и нежеланий любить оказывается так же трудно, как перечислить все мотивации ,подбираемые для различных видов недоверия неверности, раскаяний, отчаяния и других пороков в положительной теологии Фомы Аквинского, это и Алла Пугачева не осилит. Но не надо привязывать к понятиям человеческого языка эту сбивчивую повесть, как одним ,рассказываемую самыми разными участниками песенных шествий. Из бесчисленного количества причин, по которым оказываются неудачны их притязания на взаимность, вычленяется одна: они хотят удовольствий и покоя, недоступных таким призрачным, неистинным божествам. Их предмет определен ошибочно, он принадлежит настоящего "светлого", олимпийского правителя . Мы счастливые дети надежды, в этот призрачный мир белоснежный совершаем последний полет...А этим остается лишь"как по млечному пути звездною плыть ре-коой!Он ее не заметит, только мимо пройдет, мимолетные взгля-ды не в сче-е-ет... " Не стоит о таких и беспокоиться, они, менады и фурии, не замечены в реальности, на которую жалуются.

Из нее же, реальности, часто выпадает, или делается к ней иррелевантен, и какой-нибудь "Король эстрады".(Мы говорили, что это "сезонная" работа).

В

академическом жанре невозможно "отражать" события из жизни исполнителя, он просто может выбрать в своем репертуаре что-то отвечающее его настроению или жизненной ситуации. А эстрадный исполнитель реальную или придуманную историю из своей жизни может обыграть так, что ее будет обслуживать множество людей, специализирующихся на сочинении песен и создании жизнеописаний. Шоу-бизнес это нечто виртуальное, а не только образ жизни, это поверхностные зрительные впечатления, стереотипы наблюдателей: гляцевые журналы со льстивыми фотографиями звезд, желтые газеты с какими угодно фотографиями, перекошенная физиономия артиста, старающегося засекретиться и застигнутого врасплох где-нибудь в VIP Зале Аэропорта по дороге в Сент-Моритц. У академических музыкантов нет такой острой проблемы как создание образа, сказки о себе, вряд ли такой музыкант будет обязательно прибегать к помощи профессиональных стилистов и визажистов. Вернее, такое скрупулезное отношение к собственной персоне вряд ли сыграет в карьере такую уж роковую роль. А у эстрадного исполнителя сыграет.

Например, "король эстрады" Филипп Киркоров уже не первый год переживает на сцене свой развод, и уже не очень понятно, что в этих страданиях, адаптированных для публики, настоящее, а что мнимое**. Казалось бы, наличие некоторых действительно хороших песен в репертуаре помогает исполнителю не достигнуть в своих исповедях действительно комического эффекта. Но куда там. Не удастся не скатиться за грань комического и в таких "серьезных" песнях как "Полетели" Татьяны Залужной, и Ирины Дубцовой "Сердце в тысячу свечей". Умаляющая скороговорка рассыпчатых уверений в том, что "не перегорит, я обещаю, сердце в тысячу све--чей" смешно сочетается с рослым певцом, у которого, по наблюдению

одного комика, "...сзади дым, а из ушей-фейерверк!".
Кстати, не даром Киркоров-профессиональный артист
Музыкальной комедии.

Интересно, что исполнение этих вещей, которое было неоднократным, как в случае с хитами, потребовало очень громоздкой и выразительной сценографии вроде системы зеркал или каких-нибудь огней. Роскошью в этом плане отличается, например, церемония "Золотой граммофон", но и другие тоже концерты стараются как можно более художественно обставить столь претендующие на значительность предметы.

Интересно, что словно в расчете на любопытство слушателей, певцы часто объединяются в заманчивые, по их представлению, дуэты, и не просто из-за профессионального интереса к дуэтной форме. Смешно, но на принципе этой самой дуэтности построено уже множество телепроектов, "Две звезды", "Ледниковый период", "Танцы со звездами", и даже "Король ринга". Это, правда, говорит еще о том, что помимо какого-то спекулятивного интриганства для шоу-бизнеса характерна некая гибкость, перетекание из одного жанра в другой. В гипертрофированном виде эту тенденцию выражает навязчивое желание поставить певца на лед, привлечь его к травмоопасному виду спорта, даже явный налет дилетантизма не оттолкнет хозяев такого проекта от этой идеи.

Это все-желание выйти за грань, склонность к игре, перетекание одного ампула в другое, перенесение сюжета творческого в реальную жизнь, и наоборот. Но если что и не ставит под сомнение связь современной эстрады с оперным театром, то это постановочная часть каждого шоу, каждого фестиваля эстрадной песни и каждого крупного сольного концерта. При постановке сольных концертов и во всех других случаях роль сценографа, художника-постановщика, просто огромна.

Скажем, принадлежащие двум разным телеканалам Новые песни о главном" и "Песня года", как и новогодние программы, записанные в студии, содержат в общем-то одинаковый набор песен. Но суть в том, что ведущие концертов по-разному их объявляют, и конференс к содержанию стихов и музыке, как правило не имеет никакого отношения.

А, главное, сцена выглядит на каждом таком мероприятии "по-своему", "особенно", концепция концертов тоже разная: как объявить, как скомпоновать, так что получаются совершенно разные музыкальные спектакли. А при постановке сольных концертов наблюдается оригинальная тенденция: каждый уважающий себя сценограф считает своим долгом выкатить на сцену какой-нибудь предмет (если не фетиш). Этот "аксессуар" призван выразить какую-то ключевую тему в творчестве певца, образ, связанный с его личностью. На "прощальных" концертах Аллы Пугачевой в Кремле такую роль играл придуманный художником Б. Красновым айсберг. Вообще, чем внушительней представитель шоу-бизнеса, тем больше декораций - таков негласный закон. С блеском воплотила эту идею Лолита Милявская, выехавшая на сцену Кремля во время своего юбилейного концерта на огромном золотом унитазе. Не каждая опера блеснет таким предметом реквизита. И, что касается таких определений как "гигантский", "громоздкий", то приходится их постоянно использовать, а ведь речь идет не о крупномасштабных эпических произведениях, а о лирике. Предмет шоу-бизнеса (а не Советской песни, в ее патриотической части, с Ансамблем ПВО на сцене), несмотря на свою громкость, что-то интимное и тихое. Когда шоу-бизнес только начал превращаться в то, чем сейчас является, он был более спокойный и соответствующий себе. Когда форма, спокойная, была более комфортной, на общепринятый взгляд, для содержания. По идее, эстрадная песня происходит из вполне понятного источника. Совершенно ясно, что такое "песня", в какой бы вид творчества она ни попала.

Уже

в силу происхождения этому жанру присуще нечто проникновенное

исповедальное, а также задушевное.

(Особенно, если она имитирует фольклорную манеру). Если взять советскую эстрадную песню 50-60-х годов, то несмотря на некоторую слащавость, присущую, кстати, в то время, эстетике Европы и США, она несла в себе эти черты и в полной мере соответствовала своему предназначению.

Кстати, имена, скажем, Марио Ланца или Марка Бернеса совершенно не располагали к тому чтобы причислить предмет их творчества к низкому виду искусства. Ничего плохого не подумаешь и о первых конкурсах

Евровидения с его приятной атмосферой зимней Швейцарии или Италии. Теперь же камерности и следа нет. Шоу-бизнес превратил жанр песни в ее антипод. Даже если это произведение совсем уж лирическое, исповедальное по природе, все равно, его словно вырывают из уместного контекста и помещают в другой, парадоксальный. Но природа эстрадного искусства, как ни странно, такова, что неестественность и преувеличенность ничего не портит. Например, в грандиозных декорациях последнего Евровидения песни вроде "Мамы" И. Меладзе, по идее, должны теряться, потому что почему бы их не петь в более "спокойной" обстановке, как и происходило с прародителями жанра. Но ничего тут не теряется, потому что песня просто становится частью пышного шоу, цель которого - не то выразить величие Евросоюза (таким-то вот гротесково-глобалистским способом), не то выразить величие государства, которое способно организовать такое мероприятие. Как предмет сантехники (в упомянутом шоу Лолиты) обрастает чертами величия, так и камерность, доведенная до масштабов грандиозности становится комичной. Но лишь отчасти, потому что, оказывается, многим

тихим вещам грандиозность не мешает таковыми и оставаться. Хотя бы в деформированном преломлении. Величие Европы и в Гетевскую эпоху, после Французской революции, тоже выражалось. Герои "опер спасения" Лесюера, Гретри, могли похвастаться сентиментальной неотесанностью на фоне пышных декораций и общей патетики французского самовыражения той поры. Чем не Рыбак с Евровидения в Москве? Утрированная камерность, как будто он с репетиции фортепианного трио сбежал, исполнения и неброскость шаловливого сельского танцора со скрипкой, в окружении опершихся на все четыре конечности прыгунков в подтяжках. Простое обаяние, казалось бы, должно стряхнуть налет рутины с устоявшейся церемонии европейского торжества, где сплошь и рядом то непонятные сербы с отуреченными хорватами, то млеющие от нездоровых фантазий и неконкурентоспособные на фоне разгула азиатчины, обитатели Северной Европы. Шоу-бизнес это вообще искусство допустимых искажений. Потому так важна роль режиссуры, сценографии, вообще умелого оформления сцены, чтобы песня (зачастую и хорошая) смотрелась, как номер в мюзикле, как часть спектакля. Но и долю комизма, гротесковости, песня, раздутая до размеров оперной колоссальности тоже получает. Перед нами проходит череда уродцев, играющих в лирические чувства. Становится сомнительной непосредственность певца с его искренней, растянутой в каждый следующий кадр и так до окончания песни, и даже за ее окончанием, гримаской. Если он так всегда будет, приятным для уроков сольфеджио средним регистром, и волыночными наигрышами на скрипке... то мы скажем, что он пародийно монументален, в своей глуповатой исповедальности... если он сменит обаятельную гримаску, то и предыдущая, с "Евровидения", была не всегда вызывающей доверие и лукавой. Для себя-то он искренен, но масштаб сцены и ее освещения, украсившего и увеличившего каждый мимоходный

жест, танцоры, ползающие на полу
и, конечно, скрипка, лелеяная в "евровидео" замыслах еще
Димы Билана, делают такие выступления концентратом
всего, чего за последний период добились
художники, балетмейстеры, осветители и звукорежиссеры
массовых зрелищ, вытеснив простенькую, для них,
задушевность артистов на периферию. Каждый артист
поднят теперь до моральных высот Квазимодо в Нотр-
Даме, не меньше. Даже если вокально то, как поется, не
кажется смешным, что бывает редко. Скажем, песня
К. Меладзе "Плюс и минус не сложились". Образ фатального
возлюбленного, страдающего среди алхимических колб и
реторт, отмечен, судя по тексту, некоей нескрываемой
звездной упертостью.: "Ты знаешь, где меня найти

В

глянцевых журналах

Или мировой сети

только не надо, лучше не находи.. "Эти приметы
так называемой "звезды" в сверхмасштабных декорациях
отчетного концерта "Фабрики звезд" в
"Олимпийском", несмотря на обаятельность образа, невольно
выглядят уродливо и гротескно.

Так же
двусмысленно смотрятся, например, гигантские смайлики-
колобки, ухмыляющиеся на огромном экране в песне
И. Матвиенко "стоп" ("Песня года" 2008

). Любовная лирика, преобразованная во что-то
очень сценически броское и полное виртуального
величия, все время балансирует на грани смешного и
несмешного . "Кто мы друг
для друга

Я не

знаю,

Может, в электронной почте смайлик".

Вполне милые обыденные детали современного образа жизни преобразуются в гипертрофированное зрелище. Правда, тут тоже может быть какой-то смысл, может быть, некоторые простые вещи полны величия. Это с какой стороны посмотреть. Или упомянутая уже песня "Моя законная жена", обыгравшая не факт биографии исполнителя, а обывательский ажиотаж, и потому "мошенническая" радость в турецком стиле на гигантской сцене вызывает еще более гигантский отклик у слушателей, чем того требует сама песня.

Если обратиться к самой, может быть, яркой и привлекательной черте отечественного шоу-бизнеса, то это, так называемые фестивали, приуроченные к Новому году. "Песня года" и "Новые песни о главном", а также успешно сохраненная с советских времен и ставший "Новой волной" конкурс исполнителей в Юрмале. Тут интересно, что Конкурс исполнителей, помимо своего прямого назначения, словно создан для того, чтобы продемонстрировать публике весь блеск уже существующих эстрадных звезд. Конкурс, конечно, происходит, как ему и положено, но, главное, культурная программа, скомпонованная из выступлений звезд и музыки. Не то, чтобы соревнование молодых певцов смотрелось как приложение, но оно все же погружено в атмосферу какого-то праздника, оттеняет торжество мэтров и уже "состоявшихся".

Такое же любование недавним прошлым и собственными творческими достижениями являет нам "Песня года", благо, и организаторы у этих мероприятий общие, и "муза" - Пугачева. Если в советское время "Песня года" была уютным, в меру, телевизионным новогодним атрибутом, то теперь оно -, как водится, роскошное громоздкое зрелище, очень естественно вписавшееся в гигантские размеры "Олимпийского". Новогодний телеуют прошлых лет сохранился, но теперь он подается как

-А почему Джанго?

-А тут в

сценарии так написано..."

Может

быть в этом и есть основная черта шоу-бизнеса , его сила и одновременно слабость, что тут важна важна взволнованная атмосфера съемок, путающиеся под ногами провода от телеаппаратуры, а песня становится прекрасной или заурядной, от того, кто и как ее объявил, смотря на кого-то в зал, думая о чем-то своем. Вот это и есть самое главное.

-----*(Шлягер, исполненный на "Песне года"-
2008, напоминает мелодически и ритмически турецкие
песни, и есть в нем, как раз, что-то игриво-
мошенническое). Это творение Дениса Ковальского увидело
свет в предвкушении "торжества", слухи о
котором, спровоцированные лукавым творческим
союзом, повлекли за собой еще ряд недоразумений, как в
песнях, так и во взглядах общественности.

**Не является смешной и преувеличенной в
своих исповедях только Алла Пугачева, по закону
сложившейся вокруг нее иерархии, конечно. В трагических ее
песнях она одна не скользит вдоль, и не придирается к
реальности. И в любовь она бросается "с головой... А
ТЫЫЫ..." и т.д. Всегда находится кто-то, не способный
оценить ее настоящие чувства, преданность
, неподдельность в их выражении, а не то, чтобы она
ошиблась в выборе объекта, или не по адресу
обращается, требуя чего-то хорошего, как все другие, кроме

нее. В общем, "сильная женщина плачет у окна".

скажем, оперности.

Почему "даже" из закрытости? Не "даже", а совсем прямая зависимость есть между мизансценами, которые разыгрывают перед услужливой публикой не слишком отягощенные режиссерским гением разные "персоналии" и тайной, которая окружает поворотный излом тягучей интрижки, благодаря чему она приобретает совсем уже слякучий драматизм. Но, самое главное, любой эстрадный концерт, или, как его чаще называют, шоу - это произведение, которое имеет непосредственное отношение к музыкальному театру. Притом даже не к оперетте, а к опере, потому что большинство этих концертов тяготеет к сценической грандиозности, пышности выразительных средств, а также у каждого такого творения, как правило, имеется выразительная концепция. Для создания такого концерта нужен режиссер и художник-постановщик и, как правило, пышные декорации, а во многих случаях мы наблюдали и вовсе избыточную роскошь. Впрочем, даже если сцена выглядит скромно, все равно, эта сдержанность очень "дорогая", и, собственно, слово "шоу" уже содержит указание на то, что это зрелище, что его надо показывать и смотреть.

И к тому же, что такое эстрада или попса? Стихи, текст играет в любой вещи такую же роль, как и музыка, это вообще сплав, даже если музыка чуть-чуть важнее. Если в опере или в балете сюжет - важная вещь, определяющая, какой будет музыка, потому что музыку пишут, разумеется, опираясь на сюжет, то в шоу-бизнесе музыку пишут только для того чтобы она выбалтывала нам какое-то либретто, располагаясь непосредственно вне музыкальной части, на "личности" исполнителя, которая в стороне от разукрашенной сцены, от его песенок и

текстов, находится повсюду среди многоэшелонно понаставленных декораций, кишаших проводами и репортерами, помогающими "знаменитости" раскручивать какие-нибудь нелепые бредни. Сюжетом или либретто, помимо непосредственно текстов песен является сама личность исполнителя. Точнее, преобразованная личность. Если в опере после того как опускается занавес мы найдем за кулисами того, кто исполнил партию..., здесь мы наткнемся на нечто, кого не должно касаться течение сменяющихся минут, смена настроений, раскрытие сюжета до конца... Иллюзия тайны, зияющей на чьем-то творческом и не только, великолепии, здесь долго не преходит, отсюда навязчивая идея охраняемой частной жизни, сосредоточенной личной жизни у этих, как правило, продавцов от искусства. В каких-то самообольстительных для певца целях он оказывается растянутым во времени и монументально неподвижен в каждой следующей отметке его временного кода, потому что развязка в басне, которую сплетают о "знаменитости" члены его команды не наступает в промежуток, отведенный для оперного действия. Различные сделки по купле-продаже "любви" и "спутников жизни" рассчитаны на несколько лет. Чтобы было, чего выбалтывать. Песенке ли, или подловившему журналистов "артисту". Тогда мы узнаем, что публичные действия, реализуемые при искреннем сотрудничестве со стороны визгливой толпы, задумываются людьми очень опасливыми по отношению ко всему, что расположено снаружи от них и от места, на котором они "создают впечатление". Затаенная печаль словно муаром облекает эти застывшие гримасы, озаренные вспышками "радости". Впрочем каждая линия, прорисованная на лице у такой надменной статуи, как Алла Пугачева, грим которой, особенно за кулисами, подчеркивает неестественную неподвижность ее лица, "работает" не для сценического самораскрытия. Этот пастозный рисунок, гримирующий глаза и физиономию, и неподвижная мимика-они пригодятся за

сценой. Как и песня на подмостках - она нужна затем, чтобы исполнив ее, артист не сомневался в том, что "зритель" имеет при себе некоторое внушение, пришедшее, конечно же свыше, о кулуарно-томительном подтексте данного пения, разворачивающем свои переплеты и после исчезновения исполнителя за бушующими у него за спиной декорациями, но теперь уже только в присутствии тех, кто расположился за занавесом "события".

Даже хочется предположить, что если с такой навязчивостью из-за рампы втаптывается одно и то же настроение, то это не иначе как рой поневоле веселых песенок не удержался и спешит известить нас об очередной "звездной паре", приподняв завесу таинственности с себя, сбросившей в зал непрерывную связку благозвучий.

Незатейливые песенки, напоминающие то какие-то архивные записи русских классиков "шансона", то почти самодеятельную попсу народов Средней Азии, своими попевками, которые не имеют цезур и непрерывно повторяясь собираются в нескончаемую цепь, приводят нас к мнению, что не все еще в этом жанре определилось. Настойчивые напоминания о том, что песня называется "моя законная жена", заключенные в словах же песни, или "мы теперь громоотводы..." , "...ты уже моя...", как с досадой и облегчением вынужден признать исполнитель (Галкин в своей партии дуэта с Пугачевой), серьезность преподнесения этих "шлягеров" и многозначительность, с которой проносятся по сцене исполняющий как певческую, так и роль ухажера пародист, настраивают _как непохожая на Вагнера бесконечная мелодия_ на присутствие какого-то, безусловно, томления, но за кулисами*. То есть за сценой происходит еще что-то, о чем, как из либретто, прочитываемого в опере до предлагаемого зрелища, мы узнаем из газеты после зачастую скандального концерта.

Песенки эти появляются, как в опере про Лозэнгина на зов глашатаев

откликается Эльза(или как в "Мейстерзингерах отовсюду вылезает Бекмессер,хотящий петь про любовь),- выскакивают на сцену и непосредственными указаниями на лирическое происшествие ,раскрываемое уже в названии песни,или в первой строке , "рассказывают "...о закулисной возне,участниками которой ,включая громкие выяснения отношений и даже потасовки,становятся "имена",вокруг которых устраивается концерт,вперемешку с музыкальными критиками и артистами подтанцовок. Именно в шоу-бизнесе существуют пиар-акции.продюсеры стараются(и часто успешно) превратить певцов в то,чем они в конце-концов и становятся.Еще в шоу-бизнесе принято гоняться за так называемой харизмой.Причем под этим словом подразумевается какая-нибудь простая вещь:скандальный характер артиста или его привычки,по какой-то причине потрясшие воображение поклонников.И тогда оказывается,что тот или иной исполнитель ввязавшийся в какую-нибудь свару,-харизматичный.Или же похудение-потолстение,а также перекрашивание и стрижка волос на голове артиста(которое,кстати,громко зовется "сменой имиджа")относится к числу харизматических действий и явлений. Если же певец оказывается харизматическим чуть больше остальных,то ему с годами создадут настоящий культ и,если не обожествят(хотя с культом каких-нибудь многочисленных языческих богов и божков это "фанатение" вполне сопоставимо),то самой главной личностью какого-нибудь внушительного промежутка времени,и,что называется,"культовой фигурой",сделают точно. С этим связано чувство опасности,подстерегающее и превращающее в какую-то замкнутую ,недвижимую даже когда она передвигает ноги,как в процессии,персону,каждого мало-мальски облеченного авторитетом певца по пути в гримуборную. Он должен противостоять изменчивости и текучести ,грозящим его надмирной гримасе со стороны каких-нибудь ясно выражающихся журналистов,не задействованных в желтой прессе,или со стороны непосредственно и весело

реагирующих на участника процессии "фанат(ок)ов",пришедших "светски развлечься". Все они предстают ему менадами,рвущими божество ,в раннем античном театре,из него и появилась Драма,а затем опера.Правда , противоречия оперной драматургии ,закрывающиеся в (не)-узнавании,признании-непризнании, в сокрытии-открывании,происходящих то ли под влиянием Кольца(принадлежавшего нибелунгам), или какого либо обмана со стороны других ,овеществленных или очеловеченных "заинтересованных участников" действия,в рамках эстрадно-массового зрелища оказываются поделены между выступающими.Те имена,ради которых устроена "акция",заняты лишь подтверждением.Упрочением своего превосходства ,узнаванием,утверждением и признанием в какой-то уже раз своей принадлежности,или прав собственности на на некое одушевленное имущество,которое тоже,если способно еще передвигать ноги по сцене,отвечает парной песней или вторым голосом в дуэте. Скажем,такая одиозная фигура,как Алла Пугачева,иначе как Муза или Живая легенда не называется.Ее наградили даже прозвищем чисто оперным(вот именно,что оперным)"примадонна".Всевозможных,напечатанных и ненапечатанных жизнеописаний "дивы" не счесть,все они буквально отскакивают от зубов свиты.все они наделяются чертами преувеличенной важности,ценности. Тут уже целая мифология сложилась,по-иному не скажешь. Когда друзья и знакомые певицы все как один зачарованно лепечут об ее исключительности,а также почему-то об ее ауре и энергетике , а также о том, как она где-то сверкнула глазами,а где-то остановила беснующуюся публику, и о том,разумеется, как каждый юный протезе (раскрученный, кстати, не столько из бескорыстия примы,сколько,что называется,ради самопиара)последует за ней хоть в кратер действующего вулкана,хоть еще куда,-- то такое вот сомнительное единодушие людей образованных,по идее,во-первых, мало того что ничем не отличается от поведения так

ими презируемых фанатов, а еще и наделено признаками настоящего сектантства.

Вкруг

нее ,ТОЛПЯТСЯ БОЛЕЕ ЮНЫЕ

ДАРОВАНИЯ,ПРИНИМАЮЩИЕ УЧАСТИЕ В ПРОВОДИМЫХ ЕЙ "Песнях года" или "Рождественских встречах",или не ей проводимых"убитых""Новых песнях о главном..."

"танцплощадках-80-х",дискотеках-90 и т.д.Те концерты,которые не- пугачевские,подразумевают ее невидимое присутствие,как "первой леди" в самозваном государстве.(Короли там-сменная и почти выборная должность). Не всегда,правда, дарования юнее "примы",но все они наделены оппозиционными по отношению к роли,отводимой королям эстрады ,признаками : нелепостями неузнавания,несовпадением в этом мире с чем - то милым их сердцу,заключенному внутри лирики их незатейливых,а иногда причудливо жалких песенок,горькими разочарованиями и унынием , делающим их лишними и нерадивыми даже на этом празднике,устраиваемом милостивой и снисходительной по отношению к человеческим оплошностям ,царицей бала.

В Гибели

богов"Вагнера мы можем судить о вызывающем негодование поведении Зигфрида ,отдающего свою невесту другу, как о следствии обмана,производимого распитым им в компании с Гутруной зельем ,так что он не узнает подругу;или тем,что под влиянием напитка,предложенного друзьями, он ощущает себя Гунтером,то есть кем-то ,кто не должен жениться на Валькирии, потому что она принадлежит Зигфриду...(Это в "прямой",понятийной,интерпретации,потому что по сюжету он как Зигфрид,прикинувшийся Гунтером,полагает,что Валькирия принадлежит не Зигфриду,а Гунтеру,но он же не Гунтер...) Но здесь,между бессчетных" believe me", "never,never let you go",в которых не объясняется причина недоверия лирическому"я"Димы Билана,например,и почему от него уходят, или не дается ответа на вопрос "кто ты? В электронной почте смайлик...Кто мы друг для друга-я не

знаю." ,неправомерный в любви,имеющей право на какое-то инкогнито,становится очевидным,что вопросов не вызывает и полного доверия заслуживает только Алла Пугачева. Но беспокойное ощущение оставляет по себе след на этих концертах,когда в стольких разновидностях голосов звучит упрек,что "плюс и минус-не сложились...Хоть ты безошибочна пока,но любовь-не математика".Наряду с советом искать любимого "в мировой сети"(интернета),и следующим сразу приказанием "...лучше не находи" , появляются любовные страдания"без слез..." ("он шел за ней в неволю из шипов и тех роз") ,которым ,доказывающим,что та любовь-недоразумение, оставляющее в сердце лишь кусочки льда, на смену в припеве песни приходят "дикие слезы..." . Разобрать этот шквал ошибочных привязанностей и нежеланий любить оказывается так же трудно,как перечислить все мотивации ,подбираемые для различных видов недоверия неверности,раскаяний,отчаяния и других пороков в положительной теологии Фомы Аквинского,это и Алла Пугачева не осилит. Но не надо привязывать к понятиям человеческого языка эту сбивчивую повесть,как одним ,рассказываемую самыми разными участниками песенных шествий.Из бесчисленного количества причин,по которым оказываются неудачны их притязания на взаимность,вычленяется одна: они хотят удовольствий и покоя,недоступных таким призрачным,неистинным божествам.Их предмет определен ошибочно,он принадлежит настоящего "светлого", олимпийского правителя . Мы счастливые дети надежды,в этот призрачный мир белоснежный совершаем последний полет...А этим остается лишь"как по млечному пути звездною плыть ре-коой!Он ее не заметит,только мимо пройдет,мимолетные взгля-ды не в сче-е-ет... " Не стоит о таких и беспокоиться, они,менады и фурии,не замечены в реальности,на которую жалуются.

Из нее же,реальности, часто выпадает,или делается к ней

иррелевантен,и какой-нибудь "Король эстрады".(Мы говорили,что это "сезонная"работа).

В академическом жанре невозможно "отражать" события из жизни исполнителя,он просто может выбрать в своем репертуаре что-то отвечающее его настроению или жизненной ситуации. А эстрадный исполнитель реальную или придуманную историю из своей жизни может обыграть так, что ее будет обслуживать множество людей,специализирующихся на сочинении песен и создании жизнеописаний. Шоу-бизнес это нечто виртуальное,а не только образ жизни, это поверхностные зрительные впечатления,стереотипы наблюдателей:глянцевые журналы со льстивыми фотографиями звезд,желтые газеты с какими угодно фотографиями, перекошенная физиономия артиста,старающегося засекретиться и застигнутого врасплох где-нибудь в VIP Зале Аэропорта по дороге в Сент-Моритц. У академических музыкантов нет такой острой проблемы как создание образа,сказки о себе,вряд ли такой музыкант будет обязательно прибегать к помощи профессиональных стилистов и визажистов.Вернее,такое скрупулезное отношение к собственной персоне вряд ли сыграет в карьере такую уж роковую роль.А у эстрадного исполнителя сыграет.

Например,"король эстрады" Филипп Киркоров уже не первый год переживает на сцене свой развод,и уже не очень понятно,что в этих страданиях,адаптированных для публики,настоящее,а что мнимое**.Казалось бы,наличие некоторых действительно хороших песен в репертуаре помогает исполнителю не достигнуть в своих исповедях действительно комического эффекта.Но куда там.Не удастся не скатиться за грань комического и в таких "серьезных" песнях как "Полетели"Татьяны Залужной,и Ирины Дубцовой" Сердце в тысячу свечей". Умаляющая скороговорка рассыпчатых уверений в том,что "не

перегорит,я обещаю,сердце в тысячу све--чей" смешно сочетается с рослым певцом,у которого,по наблюдению одного комика,"...сзади дым,а из ушей-фейерверк!". Кстати,недаром Киркоров-профессиональный артист Музыкальной комедии.

Интересно,что исполнение этих вещей,которое было неоднократным,как в случае с хитами,потребовало очень громоздкой и выразительной сценографии вроде системы зеркал или каких-нибудь огней. Роскошью в этом плане отличается,например,церемония "Золотой граммофон",но и другие тоже концерты стараются как можно более художественно обставить столь претендующие на значительность предметы.

Интересно,что словно в расчете на любопытство слушателей,певцы часто объединяются в заманчивые,по их представлению,дуэты,и не просто из-за профессионального интереса к дуэтной форме. Смешно,но на принципе этой самой дуэтности построено уже множество телепроектов, "Две звезды","Ледниковый период","Танцы со звездами",и даже "Король ринга".Это,правда,говорит еще о том,что помимо какого-то спекулятивного интриганства для шоу-бизнеса характерна некая гибкость, перетекание из одного жанра в другой. В гипертрофированном виде эту тенденцию выражает навязчивое желание поставить певца на лед,привлечь его к травмоопасному виду спорта,даже явный налет дилетантизма не оттолкнет хозяев такого проекта от этой идеи.

Это все-желание выйти за грань,склонность к игре,перетекание одного ампула в другое,перенесение сюжета творческого в реальную жизнь,и наоборот.Но если что и не ставит под сомнение связь современной эстрады с оперным театром,то это постановочная часть каждого шоу,каждого фестиваля эстрадной песни и каждого крупного сольного концерта.При

постановке сольных концертов и во всех других случаях роль сценографа, художника-постановщика, просто огромна. Скажем, принадлежащие двум разным телеканалам Новые песни о главном" и "Песня года", как и новогодние программы, записанные в студии, содержат в общем-то одинаковый набор песен. Но суть в том, что ведущие концертов по-разному их объявляют, и конференс к содержанию стихов и музыке, как правило не имеет никакого отношения.

А, главное, сцена выглядит на каждом таком мероприятии "по-своему", "особенно", концепция концертов тоже разная: как объявить, как скомпоновать, так что получаются совершенно разные музыкальные спектакли. А при постановке сольных концертов наблюдается оригинальная тенденция: каждый уважающий себя сценограф считает своим долгом выкатить на сцену какой-нибудь предмет (если не фетиш). Этот "аксессуар" призван выразить какую-то ключевую тему в творчестве певца, образ, связанный с его личностью. На "прощальных" концертах Аллы Пугачевой в Кремле такую роль играл придуманный художником Б. Красновым айсберг. Вообще, чем внушительней представитель шоу-бизнеса, тем больше декораций - таков негласный закон. С блеском воплотила эту идею Лолита Милявская, выехавшая на сцену Кремля во время своего юбилейного концерта на огромном золотом унитазе. Не каждая опера блеснет таким предметом реквизита. И, что касается таких определений как "гигантский", "громоздкий", то приходится их постоянно использовать, а ведь речь идет не о крупномасштабных эпических произведениях, а о лирике. Предмет шоу-бизнеса (а не Советской песни, в ее патриотической части, с Ансамблем ПВО на сцене), несмотря на свою громкость, что-то интимное и тихое. Когда шоу-бизнес только начал превращаться в то, чем сейчас является, он был более спокойный и соответствующий себе. Когда форма, спокойная, была более комфортной, на общепринятый взгляд, для содержания. По идее, эстрадная песня происходит

из вполне понятного источника. Совершенно ясно, что такое "песня", в какой бы вид творчества она ни попала.

Уже

в силу происхождения этому жанру присуще нечто проникновенное

исповедальное, а также задушевное.

(Особенно, если она имитирует фольклорную манеру). Если взять советскую эстрадную песню 50-60-х годов, то несмотря на некоторую слащавость, присущую, кстати, в то время, эстетике Европы и США, она несла в себе эти черты и в полной мере соответствовала своему предназначению.

Кстати, имена, скажем, Марио Ланца или Марка Бернеса совершенно не располагали к тому чтобы причислить предмет их творчества к низкому виду искусства. Ничего плохого не подумаешь и о первых конкурсах Евровидения с его приятной атмосферой зимней Швейцарии или Италии. Теперь же камерности и следа нет. Шоу-бизнес превратил жанр песни в ее антипод. Даже если это произведение совсем уж лирическое, исповедальное по природе, все равно, его словно вырывают из уместного контекста и помещают в другой, парадоксальный. Но природа эстрадного искусства, как ни странно, такова, что неестественность и преувеличенность ничего не портит. Например, в грандиозных декорациях последнего Евровидения песни вроде "Мамы" И. Меладзе, по идее, должны теряться, потому что почему бы их не петь в более "спокойной" обстановке, как и происходило с прародителями жанра. Но ничего тут не теряется, потому что песня просто становится частью пышного шоу, цель которого - не то выразить величие Евросоюза (таким-то вот гротесково-глобалистским способом), не то выразить величие государства, которое способно организовать такое мероприятие. Как предмет сантехники (в упомянутом шоу Лолиты) обрастает чертами величия, так и камерность

,доведенная до масштабов грандиозности становится комичной. Но лишь отчасти, потому что, оказывается, многим тихим вещам грандиозность не мешает таковыми и оставаться. Хотя бы в деформированном преломлении. Величие Европы и в Гетевскую эпоху, после Французской революции, тоже выражалось. Герои "опер спасения" Лесюера, Гретри, могли похвастаться сентиментальной неотесанностью на фоне пышных декораций и общей патетики французского самовыражения той поры. Чем не Рыбак с Евровидения в Москве? Утрированная камерность, как будто он с репетиции фортепианного трио сбежал, исполнения и неброскость шаловливого сельского танцора со скрипкой, в окружении опершихся на все четыре конечности прыгунков в подтяжках. Простое обаяние, казалось бы, должно стряхнуть налет рутины с устоявшейся церемонии европейского торжества, где сплошь и рядом то непонятные сербы с отуреченными хорватами, то млеющие от нездоровых фантазий и неконкурентоспособные на фоне разгула азиатчины, обитатели Северной Европы. Шоу-бизнес это вообще искусство допустимых искажений. Потому так важна роль режиссуры, сценографии, вообще умелого оформления сцены, чтобы песня (зачастую и хорошая) смотрелась, как номер в мюзикле, как часть спектакля. Но и долю комизма, гротесковости, песня, раздутая до размеров оперной колоссальности тоже получает. Перед нами проходит череда уродцев, играющих в лирические чувства. Становится сомнительной непосредственность певца с его искренней, растянутой в каждый следующий кадр и так до окончания песни, и даже за ее окончанием, гримаской. Если он так всегда будет, приятным для уроков сольфеджио средним регистром, и волыночными наигрышами на скрипке... то мы скажем, что он пародийно монументален, в своей глуповатой исповедальности... если он сменит обаятельную гримаску, то и предыдущая, с "Евровидения", была не всегда вызывающей доверие и лукавой. Для себя-то он

искренен, но масштаб сцены и ее освещения, украсившего и увеличившего каждый мимоходный жест, танцоры, ползающие на полу и, конечно, скрипка, лелеяная в "евровидео" замыслах еще Димы Билана, делают такие выступления концентратом всего, чего за последний период добились художники, балетмейстеры, осветители и звукорежиссеры массовых зрелищ, вытеснив простенькую, для них, задушевность артистов на периферию. Каждый артист поднят теперь до моральных высот Квазимодо в Нотр-Даме, не меньше. Даже если вокально то, как поется, не кажется смешным, что бывает редко. Скажем, песня К. Меладзе "Плюс и минус не сложились". Образ фатального возлюбленного, страдающего среди алхимических колб и реторт, отмечен, судя по тексту, некоей нескрываемой звездной упертостью: "Ты знаешь, где меня найти

В

глянцевых журналах

Или мировой сети

только не надо, лучше не находи.. "Эти приметы так называемой "звезды" в сверхмасштабных декорациях отчетного концерта "Фабрики звезд" в "Олимпийском", несмотря на обаятельность образа, невольно выглядят уродливо и гротескно.

Так же двусмысленно смотрятся, например, гигантские смайлики-колобки, ухмыляющиеся на огромном экране в песне И. Матвиенко "стоп" ("Песня года" 2008

). Любовная лирика, преобразованная во что-то очень сценически броское и полное виртуального величия, все время балансирует на грани смешного и несмешного. "Кто мы друг для друга

Я не

знаю,

Может, в электронной почте смайлик".

Вполне милые обыденные детали современного образа жизни преобразуются в гипертрофированное зрелище. Правда, тут тоже может быть какой-то смысл, может быть, некоторые простые вещи полны величия. Это с какой стороны посмотреть. Или упомянутая уже песня "Моя законная жена", обыгравшая не факт биографии исполнителя, а обывательский ажиотаж, и потому "мошенническая" радость в турецком стиле на гигантской сцене вызывает еще более гигантский отклик у слушателей, чем того требует сама песня.

Если обратиться к самой, может быть, яркой и привлекательной черте отечественного шоу-бизнеса, то это, так называемые фестивали, приуроченные к Новому году. "Песня года" и "Новые песни о главном", а также успешно сохраненная с советских времен и ставший "Новой волной" конкурс исполнителей в Юрмале. Тут интересно, что Конкурс исполнителей, помимо своего прямого назначения, словно создан для того, чтобы продемонстрировать публике весь блеск уже существующих эстрадных звезд. Конкурс, конечно, происходит, как ему и положено, но, главное, культурная программа, скомпонованная из выступлений звезд и музыки. Не то, чтобы соревнование молодых певцов смотрелось как приложение, но оно все же погружено в атмосферу какого-то праздника, оттеняет торжество мэтров и уже "состоявшихся".

Такое же любование недавним прошлым и собственными творческими достижениями являет нам "Песня года", благо, и организаторы у этих мероприятий общие, и "муза" - Пугачева. Если в советское время "Песня года" была уютным, в меру, телевизионным новогодним атрибутом, то теперь оно -, как водится, роскошное громоздкое зрелище, очень естественно вписавшееся в

гигантские размеры "Олимпийского". Новогодний телеуют прошлых лет сохранился ,но теперь он подается как драгоценность,как ностальгизирование, но только продуктивное,которое не прошлым любуются,а смотрит в будущее.Муза и художественный руководитель фестиваля тоже подается как драгоценность, ее конференс достаточно традиционный ,а шутки умеренны. Это почти та же советская новогодняя программа, но настолько эту традицию оценившая,что традиция эта едва не тонет в обстановке многозначительности и невероятной сценической красоты.Кстати,если говорить о конференсе на новогодних(и не только) концертах, то недавно проводившиеся не только в конце года,но и в течение его,"Новые песни о главном",не отличались таким уж трепетным и "уважительным" отношением к новогодним "порядкам",тем более,что и фестиваль этот возник совсем недавно,и воплощал идею единства и внутренней связи между исполняемыми песнями,в основном благодаря ведущему Максиму Галкину(партнерш у него было несколько),который собственно и превращал этот проект в художественное целое. Но принцип,который лежал в основе конференса,либо раскрывал "блеск" ведущего в области разговорного жанра,либо был "ни о чем",песня объявлялась без пиетета к ней самой и к ее авторам(на "Песне года" авторы стихов объявляются и награждаются,а здесь-нет), а если что и преподносилось , как достойное внимания, то исполнитель песни,"звезда". Вот его появление на сцене и обыгрывалось,как событие,и шутки ведущих-это тоже событие,а материал-его можно перетаскивать как угодно и еще посмеяться над названием.

А певца

можно объявить и так:

-Что

такое два кольца,два конца,а в середине-гвоздик?

-

Джанго.

-А почему Джанго?

-А тут в
сценарии так написано..."

Может
быть в этом и есть основная черта шоу-бизнеса , его сила и
одновременно слабость, что тут важна важна взволнованная
атмосфера съемок, путающиеся под ногами провода от
телеаппаратуры, а песня становится прекрасной или
заурядной, от того, кто и как ее объявил, смотря на кого-то в
зал, думая о чем-то своем. Вот это и есть самое главное.

-----*(Шлягер, исполненный на "Песне года"-
2008, напоминает мелодически и ритмически турецкие
песни, и есть в нем, как раз, что-то игриво-
мошенническое). Это творение Дениса Ковальского увидело
свет в предвкушении "торжества", слухи о
котором, спровоцированные лукавым творческим
союзом, повлекли за собой еще ряд недоразумений, как в
песнях, так и во взглядах общественности.

**Не является смешной и преувеличенной в
своих исповедях только Алла Пугачева, по закону
сложившейся вокруг нее иерархии, конечно. В трагических ее
песнях она одна не скользит вдоль, и не придирается к
реальности. И в любовь она бросается "с головой...А
ТЫЫЫ...", и т.д. Всегда находится кто-то, не способный
оценить ее настоящие чувства, преданность
, неподдельность в их выражении, а не то, чтобы она
ошиблась в выборе объекта, или не по адресу

обращается, требуя чего-то хорошего, как все другие, кроме нее. В общем, "сильная женщина плачет у окна".